

поэтому становится явленіемъ вторично и третично *производнымъ* и въ своемъ эмпирическомъ видѣ можетъ служить торжеству Добра и поправію Зла.

Мы остановились подольше на анализѣ Нехлюдовскаго отношенія къ войнѣ, потому что Толстой особенно на немъ настаиваетъ. Противоставляя Нехлюдовскую прямолинейность сложности церковно-христіанскаго жизнечувствія, мы тѣмъ самымъ не вышли изъ предѣловъ темы: анализа двухъ стихій въ Толстомъ. Ибо сложность церковно-христіанскаго жизнепониманія есть *та самая* сложность, которую прекрасно чувствуетъ и знаетъ геніальный художникъ. Толстой-художникъ свидѣтельствуетъ, что жизнь несоизмѣрима съ пфудевскимъ разумомъ, что сложность ея *непередаваема* ни въ какомъ логическомъ разсужденіи, что въ ея неизслѣдимыя глубины можно проникать лишь подъ водительствомъ сверхразсудочнаго сдѣянія образовъ. И когда, свободный отъ Нехлюдовщины, онъ мудро слѣдуетъ внушеніямъ своего генія,—онъ пишетъ „Войну и миръ“ — лучшее художественное опроверженіе своихъ будущихъ умствованій о войнѣ.

Толстой съ несравненной силой показываетъ, что историческія событія не подвластны *воли* отдѣльныхъ людей, что есть нѣчто Высшее, Непостижимое въ движеніяхъ и столкновеніяхъ народовъ. Если это высшее несводимо на произволь правителей и царей, если Толстой издѣвается надъ мнимой увѣренностью Наполеоновъ и Пфудей, которые думаютъ, что они правятъ событіями, а не событія ими, — то не смѣшонъ ли Нехлюдовъ, который мечтаетъ своимъ недѣланіемъ передѣлать міръ и своимъ немощнымъ словомъ измѣнить объективный и таинственный *ходъ исторіи*? Съ точки зрѣнія „Войны и мира“ Нехлюдовъ — это маленькій Наполеонъ наизнанку. Наполеонъ „переворачивалъ міръ“ изъ честолюбія и для славы. Нехлюдовъ хочетъ сдѣлать то же самое, т. е. перевернуть міръ, тѣми же самыми *личными* средствами, но только изъ „высшихъ“ соображеній и ради добродѣтели. Но никто лучше и очевиднѣе Толстого не показывалъ, что „переворачиваніе міра“ есть *театральное* предпріятіе, что исторія — не пустая арена для честолюбивыхъ жестовъ Наполеона или для добродѣтельныхъ манифестацій князя Нехлюдова, а нѣкій *живой*, безконечно-сложный потокъ, таинственно руководимый *неисповѣдимымъ Провидѣніемъ*. Онъ имѣетъ *свои* великія цѣли, скрытыя и отъ участниковъ исто-